ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационное исследование Ворон Полины Алексеевны «Ритмические особенности русской прозы 1920-х годов (А. Белый, Е. Замятин, И. Зданевич, А. Ремизов)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Исследование ритмической структуры прозаического текста в плане развития литературоведческой теории нельзя считать явлением новым. Вместе с тем современный интерес к ритмической организации художественной прозы сохраняет актуальные признаки устойчивой академической тенденции.

Авангардные и показательно дискуссионные положения о смыслообразующей функции ритма, представленные в работах 1920-х – начала 1930-х гг. (Л. С. Выготский, В. М. Жирмунский, И. И. Иоффе, Е. Г. Кагаров, С. Д. Балухатый, Ф. Ф. Зелинский, М. Петровский, Л. И. Тимофеев, И. М. Тронский, А. М. Пешковский, О. М. Брик), получают существенное уточнение в 1970–1980-е годы. Именно в это время были опубликованы исследования, сохраняющие до настоящего времени значимые концептуальные основания (Г. Н. Иванова-Лукьянова /1971/, Н. Д. Арутюнова /1972/, К. П. Степанова /1972/, А. В. Чичерин /1973, 1977, 1980, 1985/, Н. А. Кожевникова /1976/, М. М. Гиршман /1982, 1991/, Н. В. Черемисина /1982, 1989/, и др.). Последовательный интерес к идеям указанных авторов отчетливо прослеживается в работах последнего времени. Среди них следует особо отметить монографии Л. Н. Душиной «Русская поэзия и проза XIX–XX вв.: Ритмическая организация текста» /2002, 2003/, Г. А. Карцевой «Ритм как культурно-антропологический феномен» /2003/, учебное пособие М. А. Красноперовой /2004/, работы Ю. Б. Орлицкого /2008/, Г. Н. Ивановой-Лукьяновой /2011, 2017, 2019/, исследования просодической природы текста В. Б. Кузнецова, М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткиной /1996/, С. В. Кодзасова / 2009/, М. Я. Блоха и Е. Л. Фрейдиной, раздел «Ритм в прозе» Н. А. Дегтяренко (сборник «Ритмология культуры») /2012/, коллективную монографию Е. В. Вдовиной, А. А. Водяницкой и Г. А. Головченко «Ритм прозы от Карамзина до Чехова» /2017/. В исследованиях последних десятилетий выявляются новые аспекты, уточняющие функциональный объем понятия «ритмическая проза», при этом обнаруживается отчетливая тенденция, определяемая поиском общих концептуальных оснований в решении различных практических вопросов. Так, Г. Ф. Хажиева намечает основные подходы к истории и теории ритма /2007/, С. И. Кормиловым предметно рассматриваются особенности метризованной прозы советского периода /1991/, функциональные аспекты паралингвистических характеристик текста проанализированы Н. Л. Шубиной /1997/, В. В. Васильевой /1992/ и Н. К. Ильиной /2015/ предложены тематизация ритмо-динамических аспектов и методика функциональной характеристики ритмической прозы, работа Л. В. Кишаловой посвящена принципам ритмической организации прозаического текста, возможностям её формализации /2017/.

Вместе с тем при наличии общих теоретических положений по исследованию ритмической организации художественной прозы обнаруживается очевидный недостаток комплексного анализа произведений определенных авторов или конкретных литературных текстов. Примеры целенаправленной работы в этом направлении малочисленны и большей частью оказались представленными на достаточно обозримом хронологическом отрезке. Самостоятельную значимость для оценки ритмико-синтаксических особенностей прозы представляют заметки самих писателей-прозаиков, отразившие авторские наблюдения по технологии художественного мастерства. К ним можно отнести сборники «Писатели о творчестве» и «Писатели о себе» /1927/, «Как мы пишем» /1930/ (*в сборник вошли анкеты А. Белого, М. Горького, Е. Замятина, М. Зощенко, В. Каверина, Б. Лавренева, Ю. Либединского, Н. Никитина, Б. Пильняка, М. Слонимского*), брошюра «Как мы пишем» К. А. Федина /1966/, эссе И. А. Бродского «Поэт и проза» /1979/, очерк В. Шаламова «О моей прозе» /1989/; особо нужно отметить продолжающийся проект «Проза поэта» московского издательства «Вагриус».

На любом историческом этапе развитие литературной теории актуально представить в качестве непрерывающейся целостной традиции, основанной на единстве методологических положений и исследовательских подходов. Со значительным временным интервалом отечественным исследователям стали доступны труды Р. Якобсона о прозе Б. Пастернака (первая публикация в «Slavische Rundschau» – 1935 г.), О. Ронена о поэтике О. Мандельштама, В. Шмида о Пушкине и Достоевском. Именно поэтому сегодня представляется крайне важным выявить универсальные теоретические основания, реально оценить работы, в которых были намечены принципиально новые аспекты в изучении ритмической прозы русских писателей – Н. В. Гоголя (*Е. С. Сергеева* /2007/), С. Т. Аксакова (*Т. В. Гусейнова* /2013/), И. А. Гончарова (*Г. Г. Багаутдинова* и *И. С. Радыгин* /2016/), А. Н. Островского (*Н. К. Ильина* /2008/), И. С. Тургенева (*А. А. Арустамова* /1998/), Ф. Достоевского (В. Шмид /1998/, *Г. Ф. Хажиева* /2009/), А. П. Чехова (*Н. В. Белинская* /1987/, *В. Шмид* /1998/), А. Ремизова (*Н. В. Целовальникова* /2005/), Андрея Белого (*Н. А. Кожевникова* /1983, 1989-2004/, *Л. А. Новиков* /1990/, *Ю. А. Акопова* /2013/), И. А. Бунина (*А. К. Жолковский* /1994/, *А. Г. Нарушевич* /2002/, *Н. Ю. Лозюк* /2009/, *О. С. Рощина* /2011/, *В. А. Бурцев* /2018/), М. И. Цветаевой (*Н. С. Валгина* /1978/, *И Н. Г. Гольцова* /2001/, *И. Б. Ничипоров* /2004/, *Л. Б. Бубекова* /2008/, *Е. В. Федорова* /2013/, *Е. В. Канищева* /2013/), В. Хлебникова и А. Крученых (*К. А. Дубель* /2015/), Б. Л. Пастернака (*Д. С. Лихачев* /1989/, *О. А. Писарева* /1991/, *Н. А. Кожевникова* /1994/, *Е. А. Орлова* /2008/, *Е. Г. Иващенко* /2011, 2017/, *Ю. Ю. Шестакова* /2015/), М. Булгакова (*Н. И. Габова и С. Х. Хван* /2013/, В. Т. Шаламова (*Е. В. Волкова* /1997, 1998, 2005/, В. Г. Короленко (Т. Ф. Семьян /1997/), Л. И. Добычина (*Ю. Б. Орлицкий* /1994/ *А. Ф. Белоусов* /1999/, *И. В. Фоменко* /2008/), В. В. Набокова (*Э. В. Пиванова* /2008/), И. А. Бродского (*И. Б. Ничипоров* /2004/).

Обращение к анализу поэтических приемов художественной прозы стало предметом целенаправленной работы отечественных и зарубежных

авторов. Однако следование академической моде, «трендовой» тематике нередко заслоняет и подменяет собою принципы формирования действенной и продуктивной научной теории. Отталкиваясь от этого неутешительного утверждения необходимо перейти к характеристике показательно интересного текста, представленного к защите в Диссертационный совет.

Обоснованность и подчеркнутая корректность в формулировке исследовательских задач в полной мере и с самой положительной стороны отличает диссертацию Полины Алексеевны Ворон. Ее работа выгодно выделяется точным представлением о специфике изучаемого предмета, характере рассматриваемых вопросов, понятийной конкретностью и выверенностью методологических подходов. Содержательно владея основными научными источниками по проблеме и сохраняя заинтересованность личного отношения к предмету, автору диссертации удается обозначить необходимую степень самостоятельности в интерпретации анализируемых концепций, четко сформулировать предметный ракурс собственного исследования.

Современный интерес к Prosa ritmica мотивирован многими факторами – не только индивидуальными творческими принципами, отличающими стилистику конкретного автора, но как к живому и развивающемуся творческому явлению.

Обращение П. А. Ворон к морфологии «неклассической» прозы на примере творчества А. Белого, Е. Замятина, И. Зданевича и А. Ремизова определяется точностью выбора неслучайного круга авторов, проницательно ощутивших сложность исторического перелома, свидетелями которого они стали. В плане непосредственной и беспристрастной оценки терминальные состояния культуры представляют наибольшую сложность для исследователя. Своей основной целью П. А. Ворон видит возможность выявить художественную специфику отечественной прозы послереволюционных десятилетий, проследить на её примере характерное для времени явление творческой «синтетичности и многомерности», уточнить на основе анализа текстового материала принципиально новые художественные тенденции, выраженные в «стирании границ» между писателем и персонажем. Это позволило подойти к целостной оценке эстетического строя литературных произведений, в которых ритмические изменения текста могут закономерно рассматриваться в качестве образного средства «перехода из пространства автора в пространство внутренних мыслей героя» (с. 6-7). Такой подход в полной мере оправдывает фокусировку исследовательского интереса на характеристике ритмических интенциий анализируемых текстов. Аналогичный авторский прием О. Ронен отмечает в творчестве О. Мандельштама: «установка на собеседника, в сочетании с установкой на повторенное чужое слово позволяют подходить к поэзии Мандельштама с точки зрения теории М. Бахтина о двуголосом слове и о полифоническом, многоголосом и разноголосом, проведении темы» Ронен О., 2002. С. 38) (именно «Бахтин считает двуголосое слово явлением по преимуществу прозаическим и находит в поэзии лишь [его] "ослабленные разновидности"…».

П. А. Ворон справедливо полагает, что ритмичность, характерная для «неклассической» прозы может «рассматриваться как следствие своеобразного

возрождения мифологического мышления. Рационалистическое пространство в "неклассической" прозе уничтожается, на смену ему приходит многомерное пространство, выраженное в множественности мотивов, ритмов, точек зрения» (с. 9). В своей классической полноте «Идея божественной семантики ритма» была обозначена в Античности (Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936). Специфический, акцентуированный мифологизм 1920-х годов своим несомненным основанием имел мировоззренческий слом, изменивший не только восприятие исторических событий, но предопределивший в творческом сознании анализируемых авторов систему ценностных и ритмических оппозиций. Реконструируя образ эстетической реальности, автор диссертации приходит к оправданному выводу, что методологическое «совмещение историко-литературного, стиховедческого и лингвостилистического подхода позволяет создать необходимый инструментарий для анализа ритмических особенностей неклассической прозы <…>. Это дает возможность проследить и охарактеризовать авторскую поэтику и стилистические особенности неклассических текстов. <…> Эксперимент в прозе проходил по двум векторам: изменение «линейной перспективы» взаимодействия автора и персонажа (несобственно-прямая речь, несобственно-авторское повествование, сказ) и введение элементов, свойственных поэтической речи (повторность, лейтмотивы, ритмизация, метризация)» (с. 8).

В. Гумбольдт утверждал, что «благодаря соупорядоченности и размеренности предложений проза вполне специфическим для нее образом обнаруживает логическую эвритмию – то соответствие развертыванию мысли, к которому всякую возвышенную прозаическую речь обязывает ее специальная цель». С поправкой на это высказывание раскрывается действительный смысл мысли Л. С. Выготского, что «ритм есть сложный художественный факт». В опыте интерпретации рассказа И. Бунина «Легкое дыхание» (1916 г.) подчеркивается, что «самое расположение событий в рассказе, самое соединение фраз, представлений, образов, действий, поступков, реплик подчиняются тем же самым законам художественных сцеплений, каким подчиняются сцепления звуков в мелодию или сцепление слов в стих». Так в ритмической структуре бунинского текста в полной мере проявляется предчувствие наступающего слома глобальных исторических ритмов (при этом Л. Выготскому было важно графически представить ритмическую схему бунинского рассказа, наглядно «прорисовывавшую» принципы структурной организации произведения). В определенной мере сходными мировоззренческими причинами была обусловлена ритмическая организация текстов 20-х гг. с установкой на эффект аффективного воздействия и фразовую акцентуацию. Благодаря этому образуется устойчивая связь с иными «аффектуальными и психофизическими явлениями» (с. 61), экспрессивно противопоставленными «впечатлению легкого дыхания» и «ритму холодного спокойствия».

Проблема взаимодействия поэзии и ритмической прозы выступает основой длящейся до настоящего времени дискуссии. Как неоднократно отмечалось, это наиболее принципиальная проблема анализа ритмической прозы, и заключается она в отсутствии единого исследовательского подхода.

В диссертации П. А. Ворон исследование данного вопроса не ограничивается противопоставлением имеющихся точек зрения (с. 33-37). Так, еще проф. А. М. Пешковский (1927 отрицал существование самостоятельных ритмических единиц в прозе: «своего ритма у прозы нет и <…> когда он ей нужен – она вынуждена занимать его у стиха». Принципиально противоположной позиции придерживался его оппонент Л. И. Тимофеев (1928), по справедливому замечанию которого, методы анализа ритмической структуры стиха оказываются неприменимы для подобного анализа в художественной прозе. В решении рассматриваемой проблемы нельзя не согласиться с мнением прозаика-Паустовского: «Ритмичность прозы никогда не достигается искусственным путем», поэтому ритм как способ организации художественной прозы не может восприниматься как ее «добавочное богатство» или «дополнительные цвета». Столь же убедительно об этом говорил В. Шаламов: «Проза тоже требует ритмизации и без ритма не существует». Несомненно, ритм прозаического текста являет собою нечто большее, чем обычное представление о «литературной технике». Искусство повествования не исключает поэтических приемов, однако возможность проведения любых «ритмических» аналогий между поэзией и прозой становится очевидным упрощением.

Важно отметить, что обращение к категории ритма – безусловной универсалии культуры – приобретает подчеркнуто экзистенциальный смысл. Несомненным достижением диссертационного текста можно считать то, что «ритм прозы» и «проза жизни», реалии литературного быта, эстетика повседневности рассматриваются П. А. Ворон как взаимосвязанные и взаимообусловленные явления.

«Ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца», – вспоминал В. В. Набоков, столь внимательный к «вещному» миру своего детства и юности. В работе 1919 года М. О. Гершензон формулирует неопровержимый на первый взгляд тезис, что «для Пушкина размер стиха, по-видимому, безразличен», одним и тем же размером поэт описывает самые разные, зачастую противоположные психологические состояния героев («Видение поэта». С. 91). В романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак даст иную, не менее убедительную и развернутую характеристику: «*Пушкинский четырехстопник явился какой-то измерительной единицей русской жизни, её линейной мерой, точно он был меркой, снятой со всего русского существования <…>. Так позднее ритмы говорящей России, распевы её разговорной речи были выражены в величинах длительности Некрасовским трехдольником и Некрасовской дактилической рифмой…*».

В функциональном подходе и принципах анализа общей ритмической структуры прозаических текстов 1920-х гг., предложенных в диссертационном исследовании П. А. Ворон, сформулирован принципиально значимый новый подход к оценке творческой индивидуальности рассматриваемого круга писателей. Отличительной чертой прозы исследуемого периода стало многообразие творческих индивидуальностей, возникновение наряду с произведениями, продолжающими традиции русской прозы, новых тенденций, экспериментальных путей.

Общий высокий уровень профессионального выполнения исследования позволяет не останавливаться специально на уточнении отдельных содержательных позиций и высказать лишь одно критическое замечание, имеющее характер частного пожелания.

Предложенный в работе П. А. Ворон сопоставительный ракурс и опыт сравнительных оценок выступают основой выявления не всегда очевидных, но всегда уникальных приемов писателя, ключевых для понимания принципов его поэтики. Обращаясь к анализу двух редакций текста И. Зданевича, П. А. Ворон закономерно выявляет различные уровни авторской самопрезентации. Однако вне сферы ее интереса оказываются иные, не менее значимые сравнительные характеристики – на это ориентирует само обращение к столь разным в стилистическом отношении индивидуальностям, как А. Белый, Е. Замятин, И. Зданевич, А. Ремизов. С точки зрения формирования общих принципов организации метризованной прозы это упускаемая возможность раскрытия между /над/ текстовых ритмических и содержательных связей, что логично предполагать у писателей-современников. Вместе с этим необходимо отметить, что в соответствии с программой исследования соискателем ученой степени были поставлены и решены вполне конкретные задачи. Поэтому рассмотрение творчества анализируемых авторов в ракурсе литературоведческой компаративистики можно считать делом дальнейшей перспективной разработки проблем эстетической аналитики прозаического ритма.

Следует особо отметить концептуальную зрелость исследования П. А. Ворон, соответствующего всем квалификационным требованиям. Структура диссертации, методологический подход с акцентом на монографический принцип рассмотрения, представляются строгими и логичными. В научном плане несомненны источниковедческие и текстологические достоинства работы, представляющие несомненный вклад в развитие современной теории. Особо хочется отметить введение диссертантом в академический обиход забытых и полузабытых текстов, существенно расширяющих представление об объеме творчества исследуемых авторов. Теоретические наблюдения диссертанта имеют широкую сферу практического применения, обобщенный в диссертации материал представляется актуальным для корректировки различных университетских курсов. И – главное – в диссертационном исследовании Полины Алексеевны Ворон обоснованно намечены возможные содержательные аспекты последующего изучения различных аспектов ритмики художественной прозы.

Диссертация П. А. Ворон представляет собою самостоятельное, профессионально выполненное исследование, содержащее ряд ценных текстовых атрибуций, характеризующих развитие отечественной прозы 20-х гг. Автор научной работы показывает высокий уровень владения теоретической литературой по исследуемой проблеме, умело привлекает дополнительные материалы и малодоступные источники.

Диссертацию П. А. Ворон отличают выверенность методологических установок и убедительность научной интерпретации обширного литературного материала. Положения, вынесенные на защиту, отвечают необходимым критериям актуальности и новизны.

Диссертационное исследование «Ритмические особенности русской прозы 1920-х годов (А. Белый, Е. Замятин, И. Зданевич, А. Ремизов)» соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). **Ворон Полина Алексеевна заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература**.

Автореферат диссертации дает исчерпывающее представление о структуре исследования и в полной мере отражает основное содержание работы. Опубликованные соискателем статьи в авторитетных периодических изданиях подтверждают общий вывод о показательной результативности предпринятого научного исследования.

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой эстетики
и этики РГПУ им. А. И. Герцена

Л. Н. Летягин

Доктор психологических наук, вице-президент
Российской академии образования, проректор
по научной работе РГПУ им. А. И. Герцена

Л. А. Цветкова

Летягин Лев Николаевич (leoletyagin@gmail.com; +7 965 004 85 55), кандидат филологических наук, заведующий кафедрой эстетики и этики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (191025, Санкт-Петербург, ул. Колокольная, д. 7, кв. 26; (812) 571 13 98).

Сведения об оппоненте
по диссертационной работе Ворон Полины Алексеевны на тему «Ритмические особенности русской прозы 1920-х годов (А. Белый, Е. Замятин, И. Зданевич, А. Ремизов)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Фамилия Имя Отчество	Летягин Лев Николаевич
Шифр и наименование специальностей, по которым защищена диссертация	10.01.01 – русская литература
Ученая степень и отрасль науки, номер диплома	кандидат филологических наук, Кн № 005186 (20 мая 1994 г.)
Ученое звание, номер диплома	доцент, ДЦ № 006881 (18 февраля 1998 г., № 196д)
Полное наименование организации, являющейся основным местом работы оппонента, факультет, кафедра	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48; (812) 312 44 92; институт философии человека, кафедра эстетики и этики
Занимаемая должность	заведующий кафедрой
Дата рождения, паспортные данные	07.01.1961 г., паспорт 4007 137086, выдан 28 отд. милиции Центрального района Санкт-Петербурга 08. 02. 2007 г.
СНИЛС	№ 058-238-352-75
ИНН	7825 7519 1643
Почтовый индекс, адрес	191025, Санкт-Петербург, ул. Колокольная, д. 7, кв. 26
Телефон	7 965 004 85 55, (812) 571 13 98
Адрес электронной почты	leoletyagin@gmail.com
Список основных публикаций официального оппонента по теме диссертации в рецензируемых научных изданиях за последние 5 лет (*не более 15 публикаций*)	▪ Гений места отечественной словесности // Родина. – 2014. – № 5. – С. 64-65; ▪ «Силовые поля» маргиналий в ценностном притяжении классического текста // Михайловская пушкиниана: Материалы научно-практических чтений. – Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2014. – Вып. 63. – С. 185-200; ▪ Эстетика поступка // Общество. Среда.

	Развитие (Terra Humana). – 2014. – № 4. – С. 173-174; ▪ «Мартовские иды» в русской истории // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2014. – № 172. – С. 23-33; ▪ Алфавиты флоры: функциональные аспекты // Обсерватория культуры. – 2015. – № 1. – С. 88-94; ▪ Концептосфера перевода // Михайловская пушкиниана. – Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2016. – Вып. 67. – С. 5-31; ▪ Эстетическая легитимация социального действия // Вестник СПбГУКИ. – 2016. – № 3/28 – С. 66-69 (*соавт. Т. В. Шоломова*); ▪ Лицейский универсум «порфирородного отрока»: историческая морфология биографических сценариев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2017. – № 3 (33). – С. 67-70; ▪ Философское наследие Клио, или искусство истории // История как фундамент гуманитарного познания: к 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке: материалы международного семинара, 15-18 октября 2018 года. – Владивосток: ДВФУ, 2018. – С. 135-139; ▪ Антропология музея: концептосфера идей, исторического диалога и сохранения ценностных констант (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2019. – № 5. – С. 5-26; ▪ Этос идентичности: концепты самосознания и самомнения // Этическое и эстетическое в образовании. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 110-118.

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА
подпись Летягин Л. Н.
удостоверяю «05» 10 2019 года
Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

Официальный оппонент
5. 10. 2019 г.

Ведущий документовед
отдела персонала и социальной
работы
А.Д. Пызина

Л. Н. Летягин